

ЮЛИЯ АРТЮХОВИЧ

ТАКАЯ ДОЛГАЯ ЗИМА...

НИТИ СУДЕБ

В белой дымке олимпийская вершина.
День и ночь стрекочет швейцарская машина.
Разложив цветные нитки на скамейке,
Людам судеб шьют богини-белошвейки.

Нитью розовой на белую одежду
Пришивают благодарность и надежду.
Жёлтой нитью — злобу, зависть и разлуку.
А зелёной — одиночество и скуку.

Не пойму, в чём перед ними виновата,
Только стала мне судьба великовата.
Наступаю на подол большого платья,
Спотыкаюсь о потери и проклятья.

Ты навстречу мне спешишь, раскинув руки.
Хороши твои отглаженные брюки.
Расстегнулась ремешка тугая пряжка,
И сдавила плечи тесная рубашка.

Попрошу я белошвеек неумелых:
“Одолжите нам немного ниток белых.
 Пристрочите нас друг к другу рукавами,
 Чтобы больше никогда не расставались!”

АРТЮХОВИЧ Юлия Васильевна, доктор философских наук, автор многих научных книг и двух стихотворных сборников. Беженка из Чечни. Живёт и работает в г. Волгограде (бывший Сталинград).

* * *

Такая долгая зима свалилась с неба!
Поймала грустные дома в капканы снега,
Легла дорогой без конца над сонной степью,
Сковала нищие сердца морозной цепью.

Коротких дней седая тьма необозрима.
Такая долгая зима — для нелюбимых,
И у меня на сердце мгла, душа раздета.
Прошу хоть капельку тепла, хоть лучик света!

Но если в сердце нет тепла, то и не стоит
Ее, коли она пришла, и беспокоить.
Зачем случайный луч ловить остывшим взглядом?
А если в сердце нет любви — то и не надо.

На белом кладбище любви среди надгробий
Зима уснула в эти дни, как пьянь в сугробе.
Туманом кутает дома и ветром свищет —
Смеется долгая зима над сердцем нищим.

ВЬЕТНАМ

Край улыбок и солнца и тепла.
Я здесь раньше жила, и счастливой была.
А теперь тебя вижу я только во сне,
Но всё чаще и чаще приходишь ко мне.

Вижу: в строгой печали деревьев и трав
Меня снова встречает и манит гора.
Словно мать, меня держит на тёплой груди
И тихонько зовёт: “Приходи, приходи!..”

Вижу серую дымку вечерней поры,
Когда мы вместе с солнцем спускались с горы:
Солнце огненной птицей садится на мель
И на отдых ложится в морскую постель.

Там вдали корабли залегли в темноте,
Огоньки их мерцают и тонут в воде,
И качается ночь на качелях волны,
Прогоняя на дно бледный отблеск луны.

Помню липкую влажность твоих вечеров
И случайную ласку залётных ветров,
Утра сонную тяжесть, заката пожар,
Раскалённого пляжа полуденный жар,

Сумасшедшую ярость коротких дождей
И спокойную ясность на лицах людей,
Благодарность судьбе и прощальную грусть
От того, что к тебе никогда не вернусь.

ОТЪЕЗД

Мы уезжаем, мы твёрдо решили:
Там — тёплое море, дома и машины
В неоновом золоте.
Здесь — сотни людей без имён и без отчеств,

Сотни отчаянных одиночеств —
В страхе и холоде.

Холод вокзала, дворца и помойки —
Всё продувает сквозняк перестройки.
Но негде согреться.
Холод жестокости новых законов,
Холод ножа в переулке знакомом.
И некуда деться.

Сытых вождей равнодушные лица,
Стынувших очередей вереница
Под грохот парада.
Вас не ограбил любезный чиновник,
Не застрелил “настоящий полковник” —
И вы уже рады.

Впрочем, в заманчивом царстве далёком
Тоже придётся нам жить одиноко,
Тоскливо и голодно.
В мире исчезли нейтральные зоны,
Где мы могли бы играть в Робинзонов.
Там пусто и холодно.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕЧНЕ

I

Я — чужая на грозненском празднике жизни.
Не больна, не пьяна, не грязна. Но — одна.
Мы так мирно и дружно с соседями жили,
Но потом оказалось — другая страна.

Помню, раньше соседи меня уважали,
А сейчас не желают общаться со мной.
Потому что я русская. Значит — чужая.
И уже никогда им не стану родной.

Вечер. Город окутан сиреневой дымкой.
Скоро первые звёзды прорвутся сквозь тьму.
По родному кварталу бреду невидимкой —
Неизвестно — куда. Непонятно — к кому.

II

Соседка тётя Маша — старуха в сорок лет.
Угрюмо шваброй машет, царапает паркет.
А дома, после смены, садится в уголке
С бутылкой неизменной в натруженной руке.

Они сегодня снова — который день подряд —
С подругой-поллитровкой о сыне говорят:
Как Родина послала Серёжу на войну,
Как поздно мать узнала, что он погиб в плену,

Царапается ветка в распахнутом окне.
Усталая соседка вздыхает в пьяном сне.
Серебряной головкой блестит из темноты
Подруга-поллитровка — лекарство от беды.